

Провожая норильских гостей...

Сегодня заканчиваются продолжавшиеся больше месяца гастроли Норильского заполярного драматического театра им. Маяковского в нашем областном центре. Томичи впервые встретились с этим творческим коллективом, и сейчас, подводя итоги гастролей, можно сказать, что встреча эта доставила удовлетворение зрителям, и, надо надеяться, что и театру. Мы познакомились с интересными актерами, с их серьезными творческими работами, увидели в постановке норильчан пьесы, ранее не шедшие на томской сцене.

Трудно, да и нет необходимости перечислять все то удачное, что мы увидели на сцене Норильского театра за время его пребывания в Томске. Следует только сказать, что такие спектакли, как инсценировка «Совести» Доры Павловой, как горьковский спектакль «Последние», по-настоящему порадовали зрителей. В актив театра следует записать крепкие актерские работы В. Кобелева (Гневышев, Иван Коломийцев), А. Элькеса (Мартьянов), С. Берлина (Лещ, Селезень), Г. Александрова (Птенцов, Шмидтке), Ю. Шефера (Александр Коломийцев), М. Коробчанской (Надежда, Ласточкина), М. Коваленко (Софья Коломийцева, Зюева, Цыплунова) и ряд других. Из молодежи следует отметить в

первую очередь З. Терскову (Роберта), С. Старцеву (Зимица), В. Иванова (Цыплунов) и некоторые другие работы. Обо всем этом достаточно подробно писалось в рецензиях, опубликованных в нашей газете.

Сегодня, провожая театр, хочется поговорить о другом — о том, что еще мешает ему на пути к высотам искусства.

Прежде всего, речь должна пойти о репертуаре. Следует откровенно сказать, что он вызвал у томских любителей театра некоторые сомнения уже в самом начале гастролей. Несколько настораживало то обстоятельство, что на афише Норильского театра было мало классики (две пьесы русской дореволюционной классики, ни одной советской и западной классической пьесы). С другой стороны, в репертуаре норильчан настойчиво бросались в глаза названия, никому неизвестные, но содержащие в себе некий «завлекательный» элемент. Слов нет, любому театру можно поставить только в заслугу, если он внимательно следит за всем новым и интересным, что появляется в нашей драматургии, и стремится поскорее воплотить это новое на сцене. К сожалению, в данном случае приходится говорить о некоторой неразборчивости, которую проявило художественное руководство театра, формируя репертуар, о

недостаточно высоких эстетических критериях, с которыми театр подходит к выбору для постановки той или иной пьесы. «Разбуженная совесть» В. Шаврина, «Пятна на солнце» Л. Митрофанова, «Жена товарища» Я. Ялунера... Все эти три разные и по темам, и по сюжету пьесы объединяет одно: это не настоящая драматургия, а наскоро слепленные «драматургические поделки», рассчитанные на то, чтобы сорвать кассовый успех у недостаточно искушенного зрителя.

Взять хотя бы «Разбуженную совесть». Ведь просто-напросто жалко становится одаренного Юрия Шефера, на протяжении трех актов демонстрирующего зрителям «терзания» рецидивиста, попавшего в окружение хороших людей. Сама по себе такая ситуация возможна. Но драматургом она выписана мелодраматично, местами слащаво и в целом оставляет впечатление деланности и неискренности. Все мы привыкли к выражению «водевильная ситуация», означающему, что в водевиле может быть самое, на первый взгляд, невероятное. Но ситуация, с которой начинается водевиль «Пятна на солнце», как говорится, не лезет ни в какие ворота. Нельзя даже в водевиле встречать высланных на исправление ту-неядцев хлебом-солью и... водкой.

Если учесть, что и все действие «Пятен на солнце» развивается в соответствии с этой завязкой, то станет ясным, что даже удачные актерские работы (Цыгейкина — М. Коробчанская, Аким — Б. Баякин, «профессор» — С. Берлин) не могут спасти этот поверхностный спектакль, до обиды мелко коснувшийся важной темы. Неплохим водевилем могла бы стать «Жена товарища». Здесь есть крепкий водевильный сюжет, есть та парадоксальность сценических ситуаций, которая составляет само существо водевиля. И все-таки со спектакля уходило неудовлетворенным. Для этого две причины. Во-первых, Я. Ялунер уснастил свою пьесу маской острот, мягко говоря, сомнительных, а во-вторых, уровень игры многих молодых исполнителей не мог удовлетворить зрителей. Рядом с тонкой, полной настоящего юмора игрой В. Александрова в роли Электрона Сошкина игра некоторых других актеров была бледной и невыразительной.

И еще один «репертуарный» упрек хочется сделать нашим гостям перед расставанием с ними. В самом названии театра присутствует слово «заполярный», о красоте и романтике Арктики красочно рассказывает выпущенная к гастролям рекламная газета. А в репертуаре театра нет

ни одной пьесы о его земляках, о замечательном Северном крае, о мужестве и стойкости советских людей, заставляющих отступать природу. Скажут: нет таких пьес. Может быть. Но ведь тут можно было пойти по линии инсценировок. Прозаических произведений о советской Арктике много, и произведений хороших.

Упреки за нестроту репертуара, за мелкотемье и ремесленный характер некоторых поставленных норильчанами пьес следует адресовать в адрес художественного руководства театра. Оно должно быть более требовательным и к себе, и к актерам. Не вдаваясь глубоко в анализ режиссуры спектаклей норильчан, все же следует отметить, что не всегда построение мизансцен направлено на наиболее полное выявление характеров действующих лиц. Иногда побеждает стремление к внешней выразительности. Именно так решены некоторые мизансцены в спектаклях «Закон Ликурга» и «Белокурой бестия».

Больше внимания следует уделять нашим гостям динамике развития сценических образов. Порой даже удачный в целом образ решается режиссерски и актерски несколько однопланово и однообразно. Эта малая динамичность образов заметна иногда даже в лучших работах. Мало меняется на протяже-

нии спектакля Мартьянов—Элькес. Совершенно одинаков и в начале, и в конце спектакля Флеров—Шефер («Белокурая бестия»). Внутренне не меняется, не растет Валя — Старцева («Совесть»). Эту одноплановость многих актерских работ еще больше подчеркивает то обстоятельство, что и исполнители, и постановщики спектаклей часто упускают из вида, что, в жизни трагическое и бытовое, даже комическое очень часто идут рядом. В спектаклях наших гостей, как правило, если героиня страдает, то страдает она весь спектакль целиком. А как бы оживили некоторые бытовые черты, скажем, исполнение З. Терсковой роли Белесовой в «Богатых невестах» или роль Петра (артист В. Иванов) в «Последних»...

Нам кажется, что коллектив наших гостей может решать более серьезные творческие задачи. На сцену Норильского театра должны прийти и Чехов, и Шекспир, и Погодин, и Вишневский. Правда, это потребует большой творческой работы над созданием глубоких, психологически сложных образов. Но этот труд окупится сторицей.

Томские зрители уверены, что коллектив Норильского театра найдет путь для развития своих богатых творческих возможностей. Успехов, друзья!

Б. БЕРЕЖКОВ.